

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-270-281

Калмак и ойраты: топоним в религиозной истории народов Центральной Азии

Б.У. Китинов

Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10–2

Слово «калмак» присутствует в целом ряде средневековых мусульманских источников. В исследованиях специалистов оно понимается как показатель развития или сепаратизма («кусок», «отсталый»), или религиозной ориентации (не мусульмане) ойратов либо некоего кочевого народа. Для выявления происхождения и развития значения этого слова полагаем важным привлечь данные из ряда авторитетных источников; например, согласно «Тарих-и Рашиди» Калмак – это территория Западной и Юго-Западной Монголии, жители которой звались, соответственно, калмаками и в основном не были мусульманами. В условиях борьбы различных течений ислама в процессе исламизации улусов Джучи и Чагатая это слово получило широкую трактовку и стало определением всех тех, кто остался язычником или буддистом, а поскольку такие «отказники» были во всех государствах чингисидов, то источники фиксировали присутствие калмаков едва ли не повсеместно. Кроме того, историческая традиция соотносит с калмаками буддистов ойратов, однако изначально ойраты не имели к первым никакого отношения, и лишь с их продвижением в эпоху Чингисхана на названные территории (Калмак) это слово было перенесено на ойратов уже как этноним. Ойраты становились буддистами с конца XIV – начала XV вв., чему способствовали политические, экономические, идеологические и иные причины. Изучение источников показывает, что слово «калмак» прежде имело смыслом название региона, народы которого были известны как немусульмане, в связи с чем приобрело религиозный контекст и по этой причине окончательно закрепилось за ойратами.

Ключевые слова: калмак, ойрат, ислам, буддизм, чингисиды

Введение

В исторической науке, изучающей кочевников Средней Азии, традиционно уделяется должное внимание исследованию достаточно запутанных вопросов об этно-религиозной принадлежности калмаков и переноса на ойратов (известных также как западные монголы) этнонима «калмык» (калмак).

В свое время В.В. Бартольд писал, что «это слово выводится (вероятно, только народной этимологией) из глагола калмак “оставаться”; оно будто бы обозначает “оставшихся” язычниками ойратов в противоположность “вернув-

шимся” (глагол донмек) вновь в ислам (по известным мусульманским представлениям) дунганам (мусульманам, говорящим по-китайски)» [3. С. 538]. Его поддерживал такой известный калмыцкий ученый, как Ц.Д. Номинханов, отмечавший, что тюрки стали звать ойратов ««калмаками» только потому, что ойрат-монголы не приняли ислам, а остались шаманистами, или буддистами», и приводил в пример уйгуров: «Характерно, что те уйгуры, которые остались верными своей старой религии буддизму, получили прозвище “калганлар” (инфинитив: калмак), то есть оставшиеся, а другие уйгуры, которые последовали религии ислама, получили кличку “янганлар”, то есть вернувшиеся (к “справедливой вере”))» [14. С. 100]. Авторитетный калмыцкий историк У.Э. Эрдниев считал, что слово «калмык» имело значение «остаться», «отстать», «кусок» и использовалось в качестве обозначения ойратов, «отошедших» от монгольского мира [21. С. 90].

По мнению В.П. Санчирова, калмаками «именуются в среднеазиатских персо- и тюркоязычных сочинениях средневековых авторов ойраты, которые были в то время язычниками-шаманистами» [7. С. 206]. Также современные калмыцкие ученые отмечают, что «сам этноним “калмык” (от тюрк. калмак) был заимствован русскими у тюркоязычных народов. Так соседи ойратов – сибирские татары, ногайцы, казахи, уйгуры, киргизы и др. – издавна называли западных монголов (ойратов)» [7. С. 12]. Ряд публикаций этой теме, с использованием большого массива источников, посвятил И.И. Дрёмов [5, 6], считающий, что существовал некий особый народ калмаков, который «появился» в Средней Азии не позднее второй половины XIV в. [6. С. 113, 116]. При этом он определяет этимологию слова исходя из значения «отсталый», как его, по мнению И.И. Дремова, понимали современники, и отрицает в нем религиозный контекст.

В настоящей статье автор, в целом соглашаясь с утверждением, что слово «калмак» изначально не было связано с ойратами, предлагает свое видение причин появления этого этнонима и определяет религиозный фактор как основной для его использования (в этнографическом смысле), что в последующем обусловило его перенос именно на западных монголов.

Методы и материалы

Целый ряд сочинений мусульманских авторов XV в. уже содержит в своем составе термин «калмак» в обозначении особой этнической группы: «Зафар-наме» («Книга побед») Шараф ад-Дина Йезди, закончена в 1424/1425 г.; «Место восхода двух счастливых звезд и место слияния двух морей» Абд ар-Раззака Самарканди, закончено около 1475 г.; анонимное «Шаджарат ал-атрак» («Родословие тюрков»), составленное не ранее середины XV в. [16. С. 201, 207]. Это слово могло использоваться как этнографический термин уже в XIV в. В середине того века улус Чагатая после убийства Казан-хана (прав. 1343–1346) распался на две части: западную (Мавераннахр, часть Вос-

точного Хорасана, Афганистан) и восточную (часть улуса Чагатай к востоку от Мавераннахра), последняя известна также как Могулистан. Что касается улуса Джучи (Золотая Орда), то он в рассматриваемое время, в целом, оставался крепким государственным образованием.

Необходимо уделить должное внимание роли религиозного фактора у этих кочевников в данный период. Подданные чагатаидов и джучиидов следовали и буддизму, и исламу, были среди них и язычники, но серьезных межрелигиозных трений источники не зафиксировали. Например, правитель Дешт-и-Кипчака джучиид Токтагай (Тохта, прав. 1291–1313), по свидетельству Эльбирзали (1265–1340) «был неверным (державшимся) религии поклонения идолам, любил уйгуров, т.е. лам и волшебников, и оказывал им большой почет. Он был правосуден и расположен к людям добра всякаго вероисповедания, но более других уважал мусульман» [17. С. 174]. Ситуация изменилась после смерти Токтагая, когда у власти оказался его племянник, известный Узбек-хан (прав. 1313–1341), при котором ислам стал единственной религией Золотой Орды. К периоду его правления относится наиболее раннее на сегодняшний день упоминание о калмаках как немусульманах:

«Когда Султан-Мухаммед Узбек-хан вместе со своим илем и улусом достиг счастья (удостоиться) милости бога, то по указанию таинственному и знаку несомненному, святой Сейид-Ата всех их привел в сторону областей Мавераннахра, а те несчастные, которые отказались от преданности святому Сейид-Ата и остались там, стали называться калмак, что значит “обреченный оставаться”. А когда каждого из тех людей, которые вместе со святым Сейид-Ата и Султан-Мухаммед-Узбек-ханом выступили в поход и шли (в Мавераннахр), спрашивали кто эти идущие, то они избирали (для ответа) имя предводителя и царя своего, которое было Узбек. По этой причине с того времени пришедшие люди стали называться узбеками, а люди, которые остались там – калмаками» [16. С. 206–207].

В отличие от джучиидов чагатаиды не проявляли рвения к исламу, и даже оказывали определенную поддержку буддизму – например, в 1339 г. чагатаидский правитель Есун Тимур (прав. 1336–1342) издал указ о защите буддийского монастыря йогачаров [22. Р. 189]. При Туглук Тимуре (прав. 1348–1363) отдельные этносы Могулистана продолжали оставаться приверженцами язычества и, вероятно, буддизма. Согласно краткой биографии Туглук Тимура он рос среди калмаков, в 16 лет его привезли в Могулистан, где спустя два года стал ханом (около 1248 г.) [18. С. 38]. Мной уже был опубликован материал, где отмечалось, что здесь под калмаками подразумевались ойраты [10. С. 376–377]. Уже в те годы ойраты придерживались, в той или иной степени, буддизма, поскольку Туглук Тимур проявлял интерес к этой религии. Так, согласно тибетским источникам, Четвертый черношапочный Кармапа Ролпе Дорджэ (Rol pa'i rdo rje, 1340–1383) в 1363 г. получил приглашение от «правителя То-хора... чагатаидского монгола Тоглак Темура» [25. Р. 147], но отказался посетить Могулистан, поскольку годами ранее тот принял ислам.

Другие косвенные свидетельства о роли буддизма у народов Центральной Азии в рассматриваемый период можно обнаружить, изучая внешнюю политику династии Мин. При новом правителе Минской династии Чжу-ди (прав. 1402–1424, девиз правления Юнлэ) Китай стал активно интересоваться и соседями, и дальними странами. В источниках отмечается, что император решил послать миссию к известному тибетскому ламе Пятому черношапочному Кармапе Дешин Шегпа (*De bzhin gshegs pa*, 1384–1415) в 1403 г. [19. С. 86–87; см. также: 8. С. 113–115], после того, как «был наслышан о его сверхъестественной практике Пути, когда тот бывал во дворах центрально-азиатских правителей» [24. Р. 75], под кем подразумевались, скорее всего, тюрки.

Исследование проблемы

Ойраты были представлены во всех чингисидских улусах, в их (ойратов) состав могли входить отдельные тюркские народы (роды), что, конечно, сказалось на известном проникновении к ним ислама; возможно, некоторая часть ойратов, например, отдельные деятели среди чоросов, имевших тюркское происхождение, стали (были) мусульманами. Даже имя одного из глав ойратов начала XV в. – Махаму (Махмуд) – свидетельствует об определенном присутствии ислама среди элиты ойратов.

Окончательный поворот ойратов к буддизму случился, вероятно, около конца XIV – начала XV вв. и был связан с целым рядом причин: политических, экономических, идеологических. К первым следует отнести начавшееся формирование государственных образований как у ойратов (основное местожительство – Западная Монголия), так и у соседних кочевых народов, когда на политическое самоопределение мог повлиять особый идеологический фактор – чингисидство: ойраты не были связаны происхождением с «золотым родом», но оказались окружены народами (монголами и тюрками), которые возглавлялись чингисидами. В условиях сложных региональных политических процессов ойратам следовало найти иную сильную идейную основу, которую смог предоставить буддизм; к слову, ойраты в Персии в подобной ситуации обратились к исламу [9]. Также свою роль в «буддизации» ойратов сыграли экономические причины, в основном связанные с разрешением Минской династии начать с ней торговлю лошадьми. Последнее особенно выделяется Й. Элверскогом, указывающим, что именно такой поворот в сфере экономики повлиял на отказ ойратов от ислама и восприятие буддизма, поскольку «быть мусульманином было, вроде, помехой в делах с Китаем в то время» [22. Р. 197]. На наш взгляд, данное утверждение несколько категорично, поскольку именно мусульманские купцы еще со времен Чингисхана, а то и ранее, вели посредническую торговлю между кочевниками и Китаем. Также сложно согласиться с иным утверждением Й. Элверскога, что «ойраты – одна из немногих наций в истории ислама, кто отказался от этой веры. Буддийская конвертация ойратов-мусульман, кажется, была бескровным событием» [ibid.]. Он не приводит

сведений, подтверждающих это предположение, но считал маловероятным, что ойраты до правления известного хана Эсена (сер. XV в.) были буддистами; между тем имеющиеся источники позволяют заключить, что среди них было немало язычников, а буддизм был представлен в их среде еще со времен Чингисхана и его первых преемников [11. С. 66, 73; 10. С. 377; 7. С. 241].

Кроме экономической, следует выделить также и идейную сторону конвертации ойратской знати и народа в буддизм – это стремление Эсена к власти над Монголией. Не будучи чингисидом, он решил опереться в своих притязаниях на буддизм, а именно – восстановить значимость этой религии до уровня, который был при Хубилае: хан как ответственный за светские дела, а лама – как отвечающий за духовную сферу.

К упомянутым политическим, экономическим и религиозно-идеологическим причинам поворота к буддизму можно указать и на такой специфический, как этнический: присоединении к ойратам этносов торгутов и хошутов [11. С. 88–89], а также на продолжавшийся процесс увеличения доли монгольского этнического субстрата в их составе.

В русских документах ойраты назывались «калмыками», «калмаками», «колмаками», а также по собственно родовым названиям: дербеты, торгуты, хошуты и др. [12; 13. С. 7]. При этом калмыки могли определяться как «белые», «черные», «зенгорские», «волжские» и др. В. Бакунин отмечал: «примечания достойно, что хошоуты и зенгорцы сами себя и торгоутов калмыками и донныне не называют, а называют... ойрот. Торгоуты же как себя, так и хошоутов и зенгорцев калмыками хотя и называют, но сами свидетельствуют, что сие название не свойственно их языку». [2. С. 22]. Из всех ойратов только те, кто поселился в России, восприняли это слово как этноним, тогда как остальные западные монголы себя таковыми, как правило, не называли; тем не менее, как отмечалось выше, их так именовали соседи-мусульмане, от кого это слово и перешло к русским.

По мнению И.И. Дремова, ойраты стали известны как калмыки после того, как среднеазиатские народы в XV в. (а позже и русские в Сибири) столкнулись с ойратским союзом [6. С. 116]. В.П. Санчилов считает: «термин “калмак” утвердился за ойратами, лишь начиная с первой половины XV в., т. е. с того самого времени, к которому относятся первые упоминания во вторжении ойратов на территорию мусульманских государств Средней Азии и Восточного Туркестана, в первую очередь Могулистана» [15. С. 12]. Действительно, с XV в. это слово (со временем в варианте «калмык») прочно закрепляется за ойратами.

Калмыки (ойраты) как Йаджудж (Йаджудж и Маджудж соответствуют библейским Гогу и Магогу) упоминаются в сочинении османского автора Сейфи в отношении событий второй половины XVI в. [15. С. 21]. По мнению западных исследователей, в XVII в. мусульмане называли калмыков-буддистов как маджус/маги (majus/magi) (зороастрийцы) или даже тарса (tarsa) (христиане), поскольку они испытывали нехватку слов для обозначения буддистов [23.

Р. 286. Note 17]. «Более того, в одной мусульманской работе конца XIX века ...определение калмак, часто используемое для описания всех монголо-говорящих людей в исламских и русских источниках, также воспринималась как религиозная категория, включающая в себя всех тибетских буддистов, включая и монголов (ойратов, джунгар, моголов) и тибетцев (Tibet Qalmūqlarī)» [27. Р. 349].

На наш взгляд, в происхождении слова «калмак», а также в наименовании ойратов калмаками/калмыками определяющую роль мог сыграть географический фактор.

В важном источнике XVI в. «Тарих-и Рашиди» отмечается: Каракорум и Калмак – это «исконные земли» Чингисхана [18. С. 366].

Скорее всего, под Калмаком подразумевались такие территории, как Западная и Юго-Западная Монголия, поскольку ниже М. Хайдар, автор «Тарих-и Рашиди», отмечал: «На севере Кашар [граничит] с горами Моголистана, которые тянутся с запада на восток... Те горы, с одной стороны, простираются до Шаша, а с другой, пересекая Турфан, упираются в земли калмаков» [18. С. 367]. Следует согласиться с В.В. Бартольдом, что «слово калмак, по-видимому, впервые появляется в Зафар-наме Шереф ад-дина Йезди как будто не как этнографический, а как географический термин. Говорится, что после изгнания монгольской династии из Китая в ее владении остались только ее «коренные области» (юрт-и асли), т.е. Каракорум и Калмак; позднее «эмиры ойратов» отняли у них и это» [3. С. 538].

Калмак как регион продолжал упоминаться и позже [20. С. 356]. Например, полное название сочинения Сейфи «Таварих» (Хроника), (хиджры, 1582/1583 г.) в переводе с турецкого звучит следующим образом: «История правителей Индии, Синда, Хитая, Кашмира, Ирана, Кашгара, Калмака, Чина, многих прежних правителей, потомков Чингисхана, Хакана и Фагбура и правителей Хиндустана». Таким образом, это слово, вероятно, первоначально обозначало определенный регион, и тех, кто там проживал, именовали калмаками (а это могли быть разные народы, т.е. не только ойраты). Нечто подобное имело место в тибетской историографии: монголыязычные племена обозначались терминами «сог» (sog) и «хор» (hor).

Необходимо отметить, что «тибетцы в древности, по-видимому, не отличали монголов от тюрков и всех называли хорами» [4. С. 216]. В частности, этноним хор-по, упомянутый в «Красной книге» Кунги Дордже, в случае, относящимся ко второй половине IX в., следует соотносить, как справедливо указывал Ю.Н. Рерих, с уйгурами [26. Р. XVII], а в отношении событий периода монгольских завоеваний – с монголами (hor rgyal po ching ges – монгольский хан Чингис). Тибетцы называли тюрков Восточного Туркестана как сог-по, и позже, когда их земли были заняты монголами и ойратами (с XIII в.), а сами тюрки стали подданными ойратов, к последним перешло это тибетское определение. Близкое имело место во времена завоевания Бабуром Индии – в тибетских источниках его подданные моголы также назывались сог-по; в целом

же это слово закрепилось за ойратами. Подобных примеров, когда народы получали свое имя вслед за наименованием региона их проживания множество.

Слово «калмак» могло иметь следующую динамику появления и развития: к востоку от земель, населенных мусульманами (улусы Джучи и Чагатая), лежал обширный регион Калмак, жители которого звались калмаками, они воспринимались как чуждые, не мусульмане (язычники и буддисты); в этническом плане это было смешанное население, со временем стали преобладать ойраты. Когда часть подданных Узбек-хана в сер. XIV в. отказалась принимать ислам, то их прозвали уже известным для мусульман словом «калмак», с соответствующим смыслом. Этим же словом стали именовать всех, кто, будучи тюрко-монгольского происхождения, не следовал исламу либо был враждебен к этой религии; неудивительно, что в краткий исторический период в самых разных землях, где жили мусульмане, «вдруг появился» народ калмаков. Что касается прежнего названия территории (Калмак), то оно было впоследствии заменено на новое – Джунгария, в связи с наименованием народа, его занявшим – джунгарами, однако смогло сохраниться (в форме «Калмык») в прежней роли топонима у иных ойратов, перекочевавших в Прикаспий и Поволжье, где было создано Калмыцкое ханство, а те ойраты стали известны как калмыки (топоним стал этнонимом).

Едва ли не со времен Чингисхана ойраты (самоназвание народа) были известны соседям как ойраты – для монголов, вэй-ла-тэ (у-лу-тэ) – для китайцев (для которых религиозная ориентация ойратов не была чуждой), но для народов Средней Азии, которые в рассматриваемый период времени проходили через длительную полосу борьбы различных направлений ислама, они были, прежде всего, язычниками – калмаками. То, что мусульмане не различали ойратов, состоявших, как правило, из четырех основных народов («четыре ойрата», что традиционно указывалось в монгольских и китайских источниках), а определяли их единым термином, говорит, скорее, в пользу именно религиозного значения слова калмак/калмык, который, как показано, еще ранее появился как географический термин.

Как следует из приведенного выше материала, не всех калмаков следует воспринимать калмыками (ойратами). Например, калмаки упоминаются среди узбекских племен (всего их насчитывалось от 32 до 92 племени) еще до XVIII в. [1. С. 157–159], при этом они шли под номером 11. А. Алексеев считал, что место в списке основано, скорее всего, исходя из численности и влияния этого племени. Он пишет: «часто калмаков отождествляют с калмыками (джунгарами), что не совсем верно. При дворе Аштарханидов служили обе этнические группы. При этом калмаки входили в число племен «илатийа», в то время как калмыки-джунгары поступали ко двору преимущественно в качестве военных рабов (гулам), из которых формировалась ханская гвардия. Наиболее влиятельным выходцем из этого придворного клана при Убайдуллах-хане был его верховный кош-беги Тура-Кули инак» [1. С. 168].

Таким образом, это мог быть и один народ, и разные народы в определенный период времени, и часто в источниках они смешиваются; такое становится особенно явно, когда речь идет о религиозных ориентациях, особенно при отсутствии или недостатке информации о конкретной религии, а также людей, населявших восточные земли. Возможно, знания мусульманских авторов о народах восточнее ойратов оставались ограниченными, что в свое время признавалось автором «Тарих-и Рашиди»: «**Ту сторону, кроме [земель] калмаков, никто не видел и не знает**» [18. С. 367].

Слово «калмак», изначально географический термин, стало единым общим наименованием для идентификации кочевников Центральной Азии, не принявших ислам или враждовавших с мусульманами, в число которых входили не только ойраты и монголы постюаньского периода, но и другие немусульманские, в т.ч. тюркские народы (например, народы Алтая).

Заключение

Под Калмаком в эпоху Чингисхана подразумевались земли Западной и Юго-Западной Монголии. Народы, занимавшие Калмак, в т.ч. и ойраты, звались калмаками и были известны как немусульмане. Позже это слово использовалось как омоним для определения тех, кто отказался от ислама, распространявшегося в полиэтнической среде улусов Джучи и Чагатая, и оставались буддистами или язычниками; первыми так прозвали часть народа, в основном ставшего известным как узбеки. В конце концов слово «калмак» закрепилось за ойратами, поскольку только они были знакомы их соседям-мусульманам как принципиальные последователи буддизма, занявшими земли Калмака; «окалмакивание» ойратов стало одним из факторов, в известном смысле ускорившего их буддизацию, с одной стороны, и повлиявшего на исчезновение в их среде ислама, имевшего незначительное влияние, с другой. В свою очередь, буддизация ойратов имела одним из важнейших результатов «омонголивание» ойратов, или, вернее, их отказ от «отюречивания». С XV в. религия, а именно буддизм, становится для ойратов определяющим показателем идентичности. Это происходит в связи со становлением государства, которое должно было базироваться на определенной идеологии, имевшей потенциал противостоять праву чингисидов.

© Китинов Б.У., 2018

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Алексеев А.К. Политическая история Тукай-Тимуридов: по материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. 228 с.

- [2] Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. 153 с.
- [3] Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов // Сочинения. Т. 5. М.: Наука, 1968. 759 с.
- [4] Дамдинсурэн Ц. Исторические корни Гэсэриады. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 240 с.
- [5] Дремов И.И. Калмаки Дешт-и-Кыпчака (к проблеме тюркизации и исламизации монголов в Золотой Орде) // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. Т. 14. Вып. 4. 2014. С. 96–101.
- [6] Дремов И.И. Калмаки Средней Азии XIV–XVI веков // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. № 3. 2012. С. 104–117.
- [7] История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста, 2009. Т. 1. 848 с.
- [8] Карма Тринле. История Кармап Тибета. М.: Алмазный путь, 2010. 221 с.
- [9] Китинов Б.У. Эмир Ноуруз и распространение ислама у ойратов в Персии // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. № 3. 2017а. С. 41–52.
- [10] Китинов Б.У. «Ойраты-огеледы... пересекли реку Манкан»: этно-религиозная ситуация у ойратов в середине XV – начале XVI вв. // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. Т. 9. № 4. 2017б. С. 370–382.
- [11] Китинов Б.У. Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.). М.: Т-во научных изданий КМК, 2004. 190 с.
- [12] Котвич В.Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII–XVIII вв. // Известия Российской академии наук. № 12–15. Пг., 1919.
- [13] Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.
- [14] Номинханов Ц.Д. Происхождение этнонима «калмык» // Вестник Академии наук Казахской ССР. № 11. 1958. С. 99–103.
- [15] Санчилов В.П. «Калмаки» в «Истории» турецкого автора XVI в. Сейфи Челеби // Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе. Элиста: Калмыцкий НИИ истории и филологии, 1987. С. 6–27.
- [16] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
- [17] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из арабских сочинений. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1884. XVI, 564 с.
- [18] Хайдар Мирза Мухаммад. Тарих-и Рашиди. Ташкент: ФАН, 1996. 727 с.
- [19] Хрестоматия по истории Китая в средние века (XV–XVII вв.). М.: Изд-во МГУ, 1960. С. 86–87. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XV/Chrestomat/text3.htm> (вход выполнен 7.06.2018).
- [20] Шараф ад-Дин Йезди. Зафар-Наме / пер. с перс. А. Ахмедова. Ташкент: САНАТ, 2008. 484 с.
- [21] Эрдниев У.Э. Калмыки. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1980. 282 с.
- [22] Elverskog J. Buddhism and Islam on the Silk Road. University of Pennsylvania press, 2010. 340 p.

- [23] Islam and Tibet: Interactions Along the Musk Routes. Ed. Anna Akasoy et. al. Ashgate, 2010. 391 p.
- [24] Karmay H. Early Sino-Tibetan Art. Aria & Phillips Ltd., 1975. 128 p.
- [25] Richardson H.E. The Karma-Pa Sect. A Historical Note // Journal of the Royal Asiatic Society. October, 1958. Pp. 139–164.
- [26] Roerich G. The Blue Annals. Vol. 1. Delhi, 1976.
- [27] Ron Sela. Central Asian Muslims on Tibetan Buddhism, 16th–18th Centuries // Trails of the Tibetan Tradition. Papers for Elliot Sperling. Ed. Roberto Vitali with assistance from Gedun Rabsal and Nicole Willock. Dharamshala (H.P.), India, 2014. Pp. 345–359.

REFERENCES

- [1] Alekseev A.K. Political history of the Tukay-Timurids: Based on the materials of Bahr al-asrar, the Persian historical work. SPb.: St. Petersburg University, 2006. 228 p. (In Russian)
- [2] Bakunin V.M. Description of the Kalmyk peoples, and especially of them Torgaut, and the deeds of their khans and owners. Writing of 1761. Elista: The Kalmyk Publishing House, 1995. 153 p. (In Russian)
- [3] Barthold V.V. Works on the history and philology of the Turkic and Mongolian peoples // Collected Works. Moscow: Nauka, 1968. 759 p. (In Russian)
- [4] Damdinsuren C. Historical roots of the Geseriada. M.: Russian Academy of Sciences, 1957. 240 p. (In Russian)
- [5] Dryemov I.I. Kalmaks of Desht-i-Kypchak (to the problem of Turkization and Islamization of the Mongols in the Golden Horde) // Proceedings of the Saratov University. Issue: History. International relations. Vol. 14. No. 4. 2014. Pp. 96–101. (In Russian)
- [6] Dryemov I.I. Kalmaks of Middle Asia of XIV–XVI centuries // Herald of the Caspian region: archeology, history, ethnology. No. 3. 2012. P. 104–117. (In Russian)
- [7] History of Kalmykia from Ancient Times to Our Days. Elista, 2009. Vol. 1. 848 p. (In Russian)
- [8] Karma Trinley. History of the Karmaps of Tibet. M.: Diamond Way, 2010. 221 p. (In Russian)
- [9] Kitinov B.U. Emir Nouruz and the spread of Islam among the Oirats in Persia // LOCUS: people, society, cultures, meanings. No. 3. 2017a. Pp. 41–52. (In Russian)
- [10] Kitinov B.U. “Oirat-Ogelds... have crossed the Mankan River”: the ethno-religious situation in the Oirats in the middle of the XV – beginning of the XVI centuries // Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: The world history. Vol. 9. No. 4. 2017b. Pp. 370–382. (In Russian)
- [11] Kitinov B.U. The Sacred Tibet and the Warlike Steppe: Buddhism in Oirats (XIII–XVII centuries). M.: KMK Scientific Publications Group, 2004. 190 p. (In Russian)
- [12] Kotvich V.L. The Russian archival documents on relations with Oirats in the XVII–XVIII centuries. The News of the Russian Academy of Sciences. No. 12–15. Pg., 1919. (In Russian)
- [13] Moiseyev V.A. Dzungarian Khanate and Kazakhs (XVII–XVIII centuries.). Alma-Ata: Gylym, 1991. 238 p. (In Russian)
- [14] Nominkhanov Ts.D. The Origin of the Ethnonym ‘Kalmyk’ // Bulletin of the Academy of Science of the Kazakh SSR. No.11. 1958. Pp. 99–103. (In Russian)

- [15] Sanchirov V.P. “Kalmaks” in the “History” of the Turkish author of the 16th century Seifi Chelebi // Little researched sources on the history of pre-revolutionary Kalmykia and the tasks of their study at the present stage. Elista, 1987. Pp. 6–27. (In Russian)
- [16] Tizengauzen V.G. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Extracts from Persian works, processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volyn. Moscow–Leningrad, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1941. 308 p. (In Russian)
- [17] Tizengauzen V.G. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Extracts from Arabic works. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1884. XVI, 564 p. (In Russian)
- [18] Haidar Mirza Muhammad. *Tarih-i Rashidi*. Tashkent: Fan, 1996. 727 p. (In Russian)
- [19] Reader on the history of China in the Middle Ages (XV–XVII centuries.). M.: Publishing house of Moscow State University, 1960. Pp. 86–87. (In Russian) URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XV/Chrestomat/text3.htm> (accessed 7.06.2018)
- [20] Sharaf ad-Din Yazdi. *Zafar-Nama* / transl. from the Persian by A. Akhmedov. Tashkent: SANAT, 2008. 484 p. (In Russian)
- [21] Erdniev U.E. *Kalmyks*. Elista: Kalmyk book publishing house, 1980. 282 p. (In Russian)
- [22] Elverskog J. *Buddhism and Islam on the Silk Road*. University of Pennsylvania press, 2010. 340 p.
- [23] *Islam and Tibet: Interactions Along the Musk Routes*, ed. Anna Akasoy et. al. Ashgate, 2010. 391 p.
- [24] Karmay H. *Early Sino-Tibetan Art*. Aria & Phillips Ltd., 1975. 128 p.
- [25] Richardson H.E. The Karma-Pa Sect. A Historical Note // *Journal of the Royal Asiatic Society*. October, 1958. Pp. 139–164.
- [26] Roerich G. *The Blue Annals*. Vol. 1. Delhi, 1976.
- [27] Ron Sela. *Central Asian Muslims on Tibetan Buddhism, 16th–18th Centuries* // *Trails of the Tibetan Tradition*. Papers for Elliot Sperling. Ed. by Roberto Vitali with assistance from Gedun Rabsal and Nicole Willock. Dharamshala (H.P.), India 2014. Pp. 345–359.

Kalmak and oirats: toponym in the religious history of the peoples of Central Asia

B.U. Kitinov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

10–2 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

The word *Kalmak* is spread in a number of medieval Muslim sources. In research of the scholars this word is understood as an indicator of development or separatism (“piece”, “backward”), or religious orientation (not Muslims) for Oirats or some kind of nomadic people. To define the origin and development of its meaning, it is important to draw data from a number of important sources; for example, according to “*Tarikh-i Rashidi*”, *Kalmak* means the territory of Western and South-Western Mongolia, whose inhabitants were called, respectively, as *Kalmaks*, and mainly were not Muslims. In the context of the struggle of different Islam traditions during the process of Islamization of the uluses of Juchi and Chaghatay, this word began to denote

all those who remained pagan or Buddhist, and since such “refuseniks” had been found in all the Genghisid uluses, the sources recorded the presence of Kalmaks almost everywhere. Besides, the historical tradition relates the Buddhist Oirats to Kalmaks, but initially Oirats had nothing common with that nation, and only with Oirats’ movement in Genghis Khan’s times to the named territories (Kalmak), this word was transferred to them, already, as an ethnonym. Oirats became Buddhists at the end of the fourteenth – beginning of the fifteenth centuries, facilitated by political, economic, ideological and other reasons. A study of the sources leads to conclusion, that the Kalmak’s first meaning was the region’s name, where peoples were known as not Muslims, and therefore this word acquired a religious context and for this reason was finally entrenched to the Oirats.

Keywords: Kalmak, Oirat, Buddhism, Islam, Genghisids

Информация об авторе / Information about the author

Баатр Учагевич Китинов – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов.

Баатр Китинов – PhD in History, Associate Professor of the Department of World History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University).

E-mail: kitinov@mail.ru

Для цитирования / For citations

Китинов Б.У. Калмак и ойраты: топоним в религиозной истории народов Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 3. С. 270–281. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-270-281

Kitinov B.U. Kalmak and oirats: toponym in the religious history of the peoples of Central Asia. RUDN Journal of World History. 2018. 10(3): 270–281. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-270-281

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 23.04.2018